

Альберт Швейцер, в конце своего «Поиска исторического Иисуса», сравнивает ученых, уверенных в том, что нашли исторического Иисуса, с людьми, глядящими в глубокий колодец и видящими на дне лишь собственные отражения.¹⁸ Слишком легко проецировать на Евангелие собственные ценности и интересы. В этом мыслители постмодернизма правы. Поэтому толкователи, стремящиеся к литературному или историческому познанию, должны остерегаться швейцера колодца. Толкование требует веры в трансцендентность — веры в лицо и голос, опосредованные текстом и *не принадлежащие нам самим*. Толкование глубоко нравственно: наш долг — прислушаться к голосу иного, а не заглушать его. А когда этот голос свидетельствует о Божьих делах, читателям следует отнестись к нему не просто с почтением, а с благоговением.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЕ СМИРЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЗНАНИЕ

Мы уже охарактеризовали отношения между первыми двумя частями в терминах истинного и ложного благочестия и в терминах различия между идолами и иконами. Моя последняя попытка показать согласованность двух частей подчеркивает «нравственность литературного знания». Насколько мы, как толкователи, можем вообще быть уверены в раскрытии смысла текста, а не самих себя и свое собственное отражение? Краткий ответ таков: *Равно как наше знание (Часть 2) должно уравниваться смирением (Часть 1), так и нашему скептицизму (Часть 1) должна противостоять убежденность (Часть 2)*.

Толкователь должен, с одной стороны, оставаться в пределах собственных эпистемических способностей и не претендовать на знание, которое *недоступно*, а с другой стороны — приложить все усилия для познания *доступного*. Необходимо соотносить свои возможности и имеющиеся ограничения; нравственность литературного знания требует и того, и другого. Чтобы удержать равновесие в этом противоречии, следует избегать как абсолютного знания, так и абсолютного агностицизма. Быть толкователем — а к этому мы призваны как люди и как христиане — значит сочетать в себе достоинство и смирение: мы знаем, но не так, как знает Бог.

¹⁸ Albert Schweitzer, *The Quest of the Historical Jesus*, 3d ed. (London: A. & C. Black, 1954).

Можно ли доказать то, что интуитивно ощущает реалист — что мы услышали голос «инога», голос автора или, если уж на то пошло, голос Бога? Нет, будучи критическим реалистом, я научился смирению, наблюдая конфликт толкований и упразднение литературной гордости и предубеждения. Читатели, обладающие чувством меры, вряд ли встанут на позиции толковательного идолопоклонства. Здесь, опять-таки, открываемое нами для себя в Писании оказывается верным и для герменевтики в целом. Согласно блестящему наблюдению Штернберга, сами Писания вписывают когнитивное различие между Богом и человечеством в ткань библейского повествования, в котором столько неожиданных моментов, что «единственное познание, должным образом получаемое — это осознание нашей ограниченности».¹⁹ В то же время читатели, ясно понимающие суть коммуникативной деятельности, не станут жертвой толковательного скептицизма. Как мы убедились в шестой главе, Бог создал человеческий разум для поиска и понимания смысла коммуникативной деятельности.

Два «смертных греха» толкователя

Таких грехов два: гордыня и леность. Если в этой книге мне удалось доказать, что в процессе чтения возможно сохранить равновесие между познанием и смирением, то я достиг цели.

На страницах этой книги нам не раз приходилось говорить с различными проявлениями толковательной гордыни. Этот грех присущ как консерваторам, так и либералам, потому что не признает никаких границ и развращает толкователя. Прежде всего, гордыня вселяет в нас уверенность, что мы добрались до сути смысла, хотя еще не приложили необходимых для этого усилий. Толкователь, обуянный гордыней, уверен в себе и считает свое знание абсолютным. По словам Тейлора, «деконструкция западной богословской традиции выявляет неоднократные человеческие попытки занять господствующее положение. Очевидно, причиной этой борьбы послужило мнение о том, что мастерства можно достичь, обеспечив «присутствие» путем преодоления «отсутствия», а идентичность — путем подавления разногласий».²⁰ Читатели, считающие свое

¹⁹ Sternberg, *The Poetics of Biblical Narrative*, 47.

²⁰ Taylor, Erring, 15. Как я доказывал, присутствие, которого мы как читатели можем достигнуть, есть иконическое присутствие, передающее смысл, но не отдающее его без остатка.

понимание текста единственно верным, в стремлении «овладеть» текстом почитают свои комментарии выше самого текста. Гордыня в них заглушает голос «иного». Именно она представляет собой основное искушение для фундаменталиста, стремящегося к определенности и законченности толкования.

Однако, как я уже говорил, гордыней болеет не одна партия толкователей. Представители радикально левого крыла герменевтической теории также подвержены ее влиянию. Как ни странно, гордиться собственным скептицизмом так же просто, как и определенностью — особенно для скептика, утверждающего, что познание невозможно. Некоторые из наиболее изощренных «упразднителей» самоуверенно сообщают нам (посредством текстов!) о смерти автора. Но пренебрежение реальностью требований, предъявляемых к нам автором, в конечном счете означает отказ от признания инаковости текста. В настойчивых проявлениях такого отрицания есть нечто тревожное. Сосредоточение на собственном «я», на собственном удовольствии, по мнению Пиаже, есть один из самых низких уровней развития ребенка. Нежелание откликнуться на подлинную инаковость текста может быть герменевтическим эквивалентом сосредоточенного сосания большого пальца. И, наконец, стремление скептика осмеять и унижить своих противников свидетельствует о его гордыне, а иногда и о сумасшествии и отчаянии. Самые уродливые проявления гордыни в толкователе ведут к унижению другой стороны и самого текста.

Лень толкователя — своего рода тень его гордыни, ее двойник. В то время как гордыня необоснованно претендует на знание, лень столь же необоснованно утверждает *невозможность* литературного познания. Гордыня не признает ограничений читателя; лень же отвергает его свободу и ответственность. Не обольщайтесь: лень для толкователя — грех столь же губительный, как и гордыня, потому что лень порождает безразличие, невнимательность и бездействие. Лень — еще одно имя кьеркегоровской «эстетической» стадии существования: путь не имеющих твердых убеждений и не способных на преданность. В частности, лень заставляет читателя оставить попытки услышать текст. Представители правого крыла богословия проявляют лень, когда, отказываясь от толкования текста, полагаются на то, что кто-то другой — Дух, телепроповедник, учитель — откроет им его смысл. Подобную же лень проявляют и представители левого крыла, когда, вместо того чтобы работать

над толкованием, они довольствуются многоголосием конфликтующих, часто взаимоисключающих, прочтений. Таким образом, лень пренебрегает голосом «иного» ничуть не меньше, чем гордыня.

Что христианство дает миру

«Герменевтика — это то, что христианство дает миру» (Бурбер). Рассматривая его слова в аспекте моей темы, я полагаю, что христианский вклад в дискуссию о смысле и толковании наилучшим образом представлен под рубрикой «герменевтики смирения и убежденности».

Почему смирения? Во-первых, потому что смирение — ответ на неприятие постмодернистами возможности существования литературного познания. С учетом постоянного искушения превратить толкования в идолов, смирение является важнейшей добродетелью. Признавая реально существующие ограничения, смирение ведет к победе над гордыней. Признавая, что толкователи не создают смысл, а извлекают его, смирение дает возможность понять действительные цели и задачи герменевтики и тем самым оказывается естественным союзником герменевтического реализма. Смирение значимо и для эпистемологии (для критической рациональности, признающей собственную подверженность ошибкам), и для этики (чувство ответственности, обязательства перед иными). Смирение — добродетель, постоянно напоминающая толкователям о существовании опасности понять смысл *ошибочно*. Иными словами, смирение вселяет в читателя уверенность в действенности текста, дает возможность участвовать в завете смысла и, если нужно, проявить самоотверженность ради текста. К. С. Льюис описывает этот толковательный «кенозис» словами, пользующимися заслуженной известностью: «Читая великую литературу, я становлюсь тысячей разных людей, в то же время оставаясь собой... Здесь, как и в поклонении, в любви, в нравственном действии и в познании, я превосхожу себя; и никогда я не бываю собой в большей мере, чем когда делаю это».²¹

Деконструкция, вместе с различными видами герменевтического недоверия, оказывает ценную услугу в обуздании гордыни толкователя. Я с готовностью признаю эту заслугу. Однако я утверждал также,

²¹ Lewis, *An Experiment in Criticism*, 141. «Kenosis» относится к тому, что Сын Божий уничижил себя ради иного — человека — в своем воплощении (см. Фил. 2, 5-11).

что унижение толкования и смысла, к которому приводит такое упразднение, не тождественно смирению. Я утверждал, что смирение — это исключительно христианский вклад в герменевтику, и это мое утверждение дает основу для дальнейших комментариев.

Как мы уже видели, толкование конца двадцатого века изобилует идеологическими конфликтами. Идеологические цели и интересы читателей приобретают при этом бóльшую важность, чем цели и интересы авторов или текстов. Постмодернистский кризис толкования — это, в действительности, кризис обоснования его правильности. Чей голос, чье толкование, чья цель весомее и почему? Культуроведы все чаще предостерегают от всякой претензии на знание, в чем они усматривают попытку захватить власть. Фуко, например, вообще готов признать «нравственность литературного знания» явным противоречием. На этом фоне недоверия Библия выделяется своей явной *антиидеологической* направленностью. Библия обладает своего рода иммунитетом от стремления к власти. В самом деле, несколько ярких моментов библейского повествования включают, пусть и не всегда явную, критику гордости и предубеждения. Более того, по большей части, именно через нелегкий опыт толкования Библии читатели приобретают свободную от идеологии добродетель смирения. Возможно, именно это имел в виду Барт, отмечая, что толкователи Библии — самые свободные из мыслителей.

Верно ли, что Библия представляет собой исключение из правила Ницше, согласно которому истина — рабыня властолюбия? Правда ли, что Писание провозглашает нечто вроде «антиидеологической идеологии»? Я уже отмечал важность для герменевтики отделения творца от творения. Именно злонамеренное пренебрежение этим привело и к грехопадению, и к вавилонской башне, и, следовательно, к жажде власти и смешению языков — в общем, к нарушению общения.²² Высшая точка ветхозаветной критики идеологии — вторая заповедь, запрещающая идолопоклонство, подчеркивающая абсолютное различие между Богом, Автором-Творцом, с одной стороны, и человеком, толкующим существом, с другой.

В Новом Завете Иисус учит, что кроткие и смиренные наследуют землю: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил

²² Ср.: Августин о замысле Моисея в Быт. 1 (Confessions, 12.24-25) и о том, как справиться со множественностью толкований. Гордыня — главный грех толкователя. См. также высказывание Кальвина о том, что конфликты толкований способствуют нашему смирению и общению с другими толкователями (Calvin, *Commentaries*, 75-6).

сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11, 25). В свете полной зависимости человечества от Бога, смирение — самое честное и правильное для нас качество. Апостол Павел указывает: «То, что для человека — юродство, есть мудрость Божия» (1 Кор. 1, 18-25). Более того, именно богословие креста по Павлу наилучшим образом предохраняет человека от стремления к власти и, как следствия этого — идеологии. Идеология — главный идол разума и иллюзия того, что смысл, подобно злополучной башне, в конечном счете создается сообществом. Крест Христа содержит мудрость, противоречащую окружающей нас культуре; он учит, что для обретения себя нужно прежде умереть для себя. Это особенно верно в контексте толкования, потому что, только отказавшись от ложного понимания, можно обрести понимание истинное.

Христианство подчеркивает контраст между «герменевтикой креста» и «герменевтикой славы».²³ Те, кто толкуют в соответствии с герменевтикой славы, наслаждаются собственным искусством, навязывая авторам собственные теории толкования, в результате чего тексты утрачивают свой настоящий смысл. Конечно, такая «слава» недолговечна. Но с точки зрения герменевтики смирения, мы, напротив, обретаем понимание — Бога, текстов, «иного» и себя самих — только когда, отставив в сторону собственные притязания, приводим свои теории толкования в точное соответствие тексту. Еще одно, последнее, учение завершает доказательство в пользу герменевтического смирения. Это — эсхатология, которую мы ранее уже рассматривали. Здесь мне остается лишь добавить, что поиск единственно истинного толкования необходимо вести с надеждой, повторяя: «Еще не свершилось». Понимание того, что смысл и значимость текста — не наша собственность, но лишь отчасти исполненное обетование, зачастую оказывается самым действенным противоядием от гордыни в толковании.

Однако герменевтика смирения — лишь одна сторона того, что христианство дает герменевтике в целом. Смирение должно уравновешиваться убежденностью. Почему? Здесь, вероятно, лучше всего начать с эсхатологии — с темы проповеди самого Иисуса о том, что царство Божье уже среди нас.²⁴ «Уже» — эсхатологическая тема

²³ Я вношу поправки в противопоставление Лютером богословия креста и богословия славы, изложенное в его труде “Heidelberg Disputation.”

²⁴ Я имею в виду «реализованную эсхатологию», которая ассоциируется с толкованием Христовых притч Ч. Доддом: С. Н. Dodd, *The Parables of the Kingdom* (London: Nisbet, 1961). См. также N. T. Wright, *Jesus and the Victory of God* (Minneapolis: Fortress, 1996), chs. 6-8.

не менее важная, чем «еще не свершилось». Существует эсхатологическое уточнение, уместное и в эпистемологии: абсолютное знание в настоящий момент недостижимо, но достаточное — вполне доступно. То есть мы знаем кое-что о Боге на основании откровения, которое уже дано нам во Христе. Действительно, здесь уже можно говорить о «реализованной эпистемологии». Бог высказал утверждение об истинности в кресте Христовом. Он подтвердил его воскресением. Конечно, это — одна из сторон достоверности, которая «еще не свершилась» — только в последний день мы будем знать окончательно. Тем не менее, апостол Павел призывал толкователей к проявлению смелости во имя Евангелия. Хотя смысл Библии в будущем, возможно, откроется более полно, общая история, изложенная в ней, доступна нам в достаточной мере, чтобы побудить нас к дерзновенному свидетельству. Только такая уверенность, преданность и убежденность в том, что может быть познано, поможет отказаться от скептицизма и лености. Толкование, не связанное обязательствами, не достойно внимания.

Как я уже утверждал, Бог сотворил людей по своему образу, наделив их способностью к общению. Божий замысел включает возможность прийти к пониманию через словесное общение. Не является ли единственным основанием для общения с другими надежда, что они понимают нас? Отчаяние, вызванное несовершенством языка, не должно омрачать радости, обусловленной его возможностями. «Герменевтика убежденности» призывает читателей твердо придерживаться их коммуникативных убеждений. Всякое познание начинается с обязательства, но на этом не заканчивается. Герменевтика убежденности здесь означает веру в то, что читательские добродетели, вытекающие из мотивации в пользу литературного познания, являются также и надежным средством достижения когнитивного контакта со смыслом.²⁵ Вера не только стремится к пониманию, но нередко и достигает его.

Герменевтику смирения и убежденности следует сохранять в конструктивном равновесии. Отдавая предпочтение одному в ущерб другому, мы вскоре станем жертвой одного из смертных грехов толкователя. Уделив должное внимание обоим, мы сможем избежать и герменевтического догматизма, и скептицизма. Итак, положение

²⁵ Здесь я заимствую (и поправляю) данное Загзебски определение познания как «когнитивного контакта с реальностью, проистекающего из дел интеллектуальной добродетели» (*Virtues of the Mind*, 270).

читателя подобно положению верующего, который *simul justus et peccator*, святой и грешник. Как в сотериологии, так и в герменевтике, задача пастора — уравновесить уверенность и настойчивость. Когда святых охватывают сомнения, добрый пастырь напомним им о том, что они — во Христе. Когда же они впадают в искушение мыслью о собственном величии, он призовет их *пребывать* во Христе. Верующему необходима и уверенность, и настойчивость. То же можно сказать и о толкователе: он должен быть уверен, что литературное познание и понимание возможны, но не считать, что достигнуть их легко. Напротив, осознавая свой безграничный долг по отношению к «иному», необходимо приложить еще больше усилий для раскрытия смысла и понимания значимости. Подобная динамика характерна и для труда ученого. Майкл Поланьи отлично описал соотношение между смирением и убежденностью, составляющее христианскую этику познания: «Основная цель этой книги [личное познание] — в достижении образа мыслей, при котором я могу быть твердо уверен в том, что считаю истинным, хотя и признаю, что в принципе это может быть и ложным».²⁶

«На сем стою»

История толкования Библии содержит прообраз представления Поланьи о добросовестном исследователе. Мартин Лютер окончательно определил герменевтические добродетели, провозгласив в ситуации величайшего политического и идеологического напряжения: «На сем стою». Краткое исповедание Лютера содержит в себе огромную часть того, что я хотел бы сказать о взаимодействии смирения и убежденности.²⁷ Я стою *на сем*: не на том, не на всем, но на сем. Это признание ограниченности. Я здесь, в пространстве и времени, внутри культуры и традиций, в этом теле с этой историей. В этом смысле, «на сем стою» — это исповедание герменевтического смирения. В то же время, Лютер не просто отмечал, что находится в каком-то месте, но и занимал это место. Он стоял там, где стоял, поскольку считал именно это место верным. «На сем стою». Лютер

²⁶ Polanyi, *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1962), 7.

²⁷ Мое толкование слов Лютера — по большей части пример господства над текстом с моей стороны. Я, однако же, считаю, что Лютер согласился бы, что я верно воспринял «дух» его исповедания (если, конечно, оно в самом деле принадлежит ему!)

страстно отстаивал свое толкование Библии, потому что считал его верным по отношению к смыслу самого текста. То есть Лютер стоял за текст и вместе с текстом, против традиции его толкования. Итак, позиция Лютера есть проявление герменевтической убежденности.

«На сем стою». Это был ответ, данный Лютером на сложный герменевтический вопрос. Он стоял перед императором Священной Римской империи на Вормском сейме, обвиняемый в ереси и под угрозой отлучения от церкви и смертной казни. Допрашивающий обратился к нему: «Мартин, как ты можешь считать, что лишь ты понимаешь Писание верно?» — этим, возможно, предвосхищая постмодернистское предположение, что толкователи видят в текстах только самих себя. В ответ Лютер заявил, что традиция толкования не способна поколебать его уверенность. Только Писание может убеждать: «Моя совесть пленена Словом Божиим».²⁸ Лютер настаивал на том, что «мудрость правит посредством Слова, а не силой».²⁹ Он считал речь особым даром Бога человечеству, потому что посредством речи — чтения и проповеди Писания — приходят вера и понимание. В конечном итоге, Лютер придерживался убеждения, что текст и его смысл не зависимы от процесса толкования и поэтому способны преобразовать читателя. Более того, один из верных признаков истинной протестантской герменевтики заключается в том, что она допускает возможность преобразования. Герменевтика смирения и убежденности вполне может стать необходимым условием реформации восприятия нами самих себя и традиции толкования. Возможно, она является и достаточным условием для этого. И уж точно: она является условием достоверного толкования, то есть истинного свидетельства о смысле текста.

Ни стояние, ни понимание, однако, не являются последним словом в толковании. Последнее слово остается за послушанием. Церковь должна быть сообществом смиренно убежденных верующих толкователей, чье сознание, запечатленное Духом, пленено Словом и чьи комментарии и традиции все более стремятся к воплощению смысла и значимости текста. Читатели, трудящиеся и молящиеся над текстом, толкующие его свободно и ответственно, следующие

²⁸ Более полное описание этого случая: см. Roland H. Bainton, *Here I Stand: A Life of Martin Luther* (New York: Abingdon-Cokesbury, 1950), ch. 10.

²⁹ Luther, *Table Talk*, 25.

за смыслом текста, будут преображаться, все более уподобляясь окончательному объекту библейского свидетельства. Ставшие на этот путь и идущие по нему — поймут и *устоят*, тем самым исполнив свое призвание свидетелей Слова и мучеников за него. Это — верующие толкователи, которые, подобно псалмопевцу, берут книгу и идут, воспевая:

*Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей
(Пс. 118, 105).*